

84(2=411.2)6

К К32

Синяя

A blue-toned illustration of a landscape. In the foreground, there is a river or stream with a rocky bed. The middle ground shows rolling hills or mountains. In the upper part of the image, several birds are flying in the sky. The entire scene is rendered in shades of blue and white.

Владимир
Квашнин

Владимир Квашнин
СИНЕГОРЬЕ

- 0213735 -

<p>Государственная Библиотека Югры Тюмень 2019</p>	<p>КО</p>
--	-----------

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
К 32

К 32 Квашнин В. Синегорье: сборник стихотворений /
Тюмень: ООО «Формат», 2019. – 98 с.

В новый сборник поэта вошли стихотворения, написанные
в разные годы.

Автор благодарит за помощь в издании книги Литера-
турный фонд «Дорога жизни» и лично Д.А. Мизгулина,
Общественную организацию «Спасение Югры» и лично
Л.А. Алфёрову.

ISBN 978-5-6040369-7-6

© Квашнин В. стихотворения, 2019
© Жеманская Н.А.,
художественное оформление, 2019
© ООО «Формат», 2019

Синегорье

Деревенька моя притаилась в лесах Синегорья.
Переулки ручьями стекают в речной небосвод,
Плачут избы смолой, и заборы играют гармонью,
И рябины стоят, как невесты, у каждого ворот.

Смотрит кротко на мир, улыбаясь дождям
и метелям.
Каждый день небеса ей подносят ржаной каравай.
Только что тут скрывать, кто и утро встречает
похмельем,
А по мне так работу любую с утра подавай!

Вроде Север, снега и мороз, обжигающий лица,
И ярило, в тайге разоспавшись, почти не встаёт.
А как только слышу в потёмках январских
синицу,
И душа нараспашку, и сердце от счастья поёт.

Да и как тут не петь и не плакать
в малиновой роще
Над пеньками берёз, где тетёрки слетались на ток.
Вижу, как с лошадьми солнце рыжую гриву
полощет,
И целует в макушку часовню склонившийся Бог.

Если сразу из баньки в кипрее купает поляна,
Если пчёлы в ладошках спешат дикий мёд
поднести,
А девчонка-заря в камышах под простышкой тумана
Ждёт ночами тебя в косы алые ленты вплести.

Снова осень пуржит, заметая леса позолотой,
Сели тучи на избы вокруг прошлогодней копной.
За рекой журавли покидают родные болота,
Лишь рябина одна неразлучна, как прежде, со мной.

Тем и счастлив всю жизнь, и не надо мне счастья

иного —

Быть пылинкой земли, на которой живу и умру,
Ждать весной журавлей, упиваться стихами

Кольцова,

И свои добавлять, не давая погаснуть костру...

Деревенька моя сладко спит на ладони долины.
Небо родины милой рассыпало звёзды над ней...
Это я иногда грею кисти озябшей рябины,
А она же всю жизнь согревает любовью своей.

Прорубь

Спустишься на речку зимней ранью,
Нарушая скрипом тишину,
А над лесом – зорька красной тканью
Укрывает спящую луну.
Гаснут звёзды, искры осыпая.
Над рекой клубит морозный пар.
Тьма-старуха, молча отступая,
прячется, угрюмая, под яр.
Выплывает солнышко иконой,
Согревая душу и стожок,
Ты же не спеша пешнёй гранёной
Пообколешь в проруби ледок
Синекровный, почерпнёшь водицы,
Да с ведра на маковку – хлобысь!
И летит душа родная птицей
Над тайгой в таинственную высь...

Пусть другому в церкви златозвонной
Батюшка с души счищает ржу,
Я же здесь по тропке занесённой
Напрямую к Господу хожу.
Никаких посредников не надо:
ОН и я, да прорубь – алтарём...
И душа на краешке оклада
Ясной зорьки плачет с глухарём.

Прошу, явись, мой милый друг

Прошу, явись, мой милый друг,
В моём заснеженном селении
И в час сплетенья наших рук
Прочти свои стихотворения.

Ни в чём я их не осужу,
Не развенчаю громким смехом,
Не ткну изъяном и огрехом –
Я их под сердце положу.

Мы помолчим наедине,
Я тоже душу приоткрою
И с благодарностью вдвойне
Твоё тепло

своим укрою....

Июль

Лето в солнечном загаре
Поит росами траву,
Копны прут, как на опаре,
Подпирая синеву.

Мчатся тучек караваны
Дали знойные тушить,
Зорька мокрые туманы
Поразвесила сушить.

Паутина в небе чистом
Тянет нить издалека,
Речка синим коромыслом
Подцепила облака.

Бродит лето по коленце
В тёплых струях босиком,
И старательное солнце
Моет золото лотком.

Заводь

Я, наверно, и правда – счастливый.
Всё мне в радость: дожди – не дожди.
Не родник поцелую, так с ивой
Пошепчусь, прижимая к груди.

Ни рублей не коплю, ни обиды,
А отдал – больше радуюсь сам...
Вон избе два венца бабы Лиды
Заменял – и душа к небесам.

А чечётку! А песни какие
Под тальяночку в клубе пою!
Баньку? Срубим! Подковы? Любые!
Что там сивку – блоху подкую!

А стихи? Вот откуда берётся?
Если честно сказать – так себе.
А как Светочка сладко прижмётся,
Всё забудешь в её ворожке...

В зиму – промыслы, летом – покосы...
А порой, как сегодня, проснусь –
И к реке гладить ивушки косы
И смотреть на бескрайнюю Русь...

Вот и лебеди чистым сопрано
Подхватили запев глухаря,
В белоснежной сорочке тумана
Вышла к речке умыться заря.

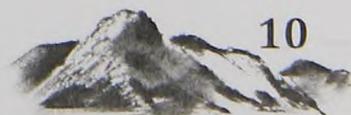
А навстречу, целуя ей щёки,
Окушата спешат, крепыши,
И слетаются новые строки,
Будто лебеди, в заводь души.

Далёкая моя

Опрокинув ковшик над избушкой,
Плещут звёзды в млечных омутах.
Вьётся дым берёзовою стружкой,
Спят леса в серебряных мехах...
Вот и этот год опять встречаю
С лаечкой среди сопок и зверья...
Кто бы знал, как по тебе скучаю,
Милая, далёкая моя!
У тебя проспект бежит вдоль окон,
У меня – бескрайняя тайга,
Закрутив метели белый локон,
Красит зорькой понизу снега.
По ночам вальсируют осинки,
Подчиняясь лунной ворожке,
И кружат полярные снежинки
Светлые, как мысли о тебе.

Мысли, что когда-нибудь на свете,
Пусть не в этой жизни, так в другой,
Не зимой, так летом, на рассвете
Встретимся, хорошая, с тобой.
Обниму, заштопаю все ранки
На душе иголочкой пихты,
Зацелую солнцем на полянке,
Окольцую лентой бересты.
Самую счастливою на свете
Сделаю, да мне ли не суметь!?
Главное, мечту свою в секрете

Сохранить, да золото на медь
Не пустить в размен с бродягой-ветром,
Да пореже ссориться со сном.
Завтра снова день – по километрам...
Ничего, пусть пишет за окном
Веточкой замёрзшею осинка
Дорогое имя на снегу...
Ты – не часть моя, не половинка,
Ты – мой воздух, хлеб, костёр в пургу,
Мой хранитель, муза, вдохновенье,
Свет небес моих в закате дня...

Это ты – моё стихотворенье,
Песня лебединая моя...

Ночь июльская в деревне,
Спят туманы за калиткой,
Лес окутан крепким сном,
Ночь серебряную нитку
Вьёт в лугах веретеном.

Домовёнок спит за печкой,
Смолк на пойме хор гусей,
Бродит по небу с уздечкой
За кентаврами Персей.

Спят в тайге лесные звери,
Спит на дне в корягах сом,
Месяц ткнул, словно мерин,
В торбу звёздную с овсом.

Кто с ковша, кто поварёшкой
Льют Медведицы, кто скор,
С неба звёздную окрошку
В блюдца мелкие озёр.

А вокруг уже светает...
Печи будят домовят,
Звёзды искорками тают,
Травы росами звенят.

Сел туман на огороде,
И за речкою в парче
Зорька летняя выходит
С коромыслом на плече.

Как хорошо

Как хорошо, когда у дома
Ты слышишь внуков птичий грай,
Когда, подняв тебя, истома
Несёт из баньки прямо в рай.
Когда к тебе приходят дети
Услышать жизненный совет,
А в жизни каждого на свете
Есть мама, папа, дом и дед.
Когда тебя тропинка змейкой
Ведёт на речку среди трав,
И там, укрывшись телогрейкой,
Сидеть, любимую обняв.
Когда в волшебный час заката
К ладони лебеди плывут,
И босоногие внучата
Деревню Родиной зовут.

Недуг

Мужику на деревне
По делам и почёт.
А меня не олени,
Не охота влечёт
За речушку в урманы
И не сладость ухи, –
Я ищу на полянах
Среди ягод стихи.
И брожу в одиночку
По уснувшим лугам,
Подбирая по строчке
К серебристым серьгам
Белозубой ромашки
Ожерелье из рос,
И душа нараспашку
Плачет в косах берёз.
Нянчу зорьку в подоле
На медовом стогу,
Я без этой неволи
Жить уже не могу.
Разве ж это в награду?
Здесь и правды-то треть...
Но за эту неправду
Я готов умереть.

А в Щекурье у нас ромашки
Бегут вдоль берега в леса,
И, словно лебеди, рубашки
С прищепок рвутся в небеса.
И машут крылья полотенец,
Речушка с гор крадётся вброд,
И прячет золото поленниц
Рябина юбкой у ворот...
И вроде бы тайга глухая,
И до Москвы сто лет пешком,
А приобнимет ель, вздыхая,
Так и застрянет в горле ком
От красоты таёжной дали,
Простого счастья – мирно жить.

И нет ценней тебе медали
Чем радость родину любить.
Вот здесь и есть моя Россия,
Причал души моей и свет:
Соседка – бабка Ефросинья,
Дочурка, фронтовик-сосед,
Елани дальние покосы,
Туманы утренних полей...
Лишь протяни – и гладишь косы
Любимой родины своей.
Глаза озёр, реки извивы
И губы алые зари!

Сижу, прижав ладошку ивы,
И сердце замерло внутри:
От счастья, что опять качаю
Свою звезду в напевах струй
И зорьке нежно отвечаю
На бесконечный поцелуй.

На самом краешке земли

С ружьишком стареньким и лайкой
Под мелко сеющим дождём
С душой ранимой под фуфайкой
Иду в тайгу осенним днём.
Как Рудакова баба Шура:
У ней одна дорога – в храм,
И я, такая же натура –
К своим бельчатам и бобрам
Спешу по горям и болотам
С аптечкой к старцу-глухарю,
К простым, но жизненным заботам:
Полянку выкосить зверью,
Поднять стожок, ведь всяко может –
Морозы жмут который год.
А вдруг лосиха занеможет,
И у зайчат к весне приплод.
И дело даже не в добыче.
А в чём? Да мне ли это знать...
Кому-то – страсть, другим – обычай,
А я готов и ниц упасть
Перед зарёю на колени,
Пичугой малою за шаг
И слушать с детским умилением
Лесных доверчивых бродяг.
Замолкнет дятел, сойка тонко
Заверещит: «Лиса, лиса!»
Живи, живи, моя сторонка!
Смотрите, люди, в небеса!

17

Государственная

Библиотека

КО

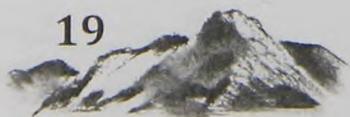
-0213735-

И я смотрю, смотрю и плачу
От счастья жить, дышать, любить,
Брать в сердце слово на удачу
И вить серебряную нить
Таких стихов, чтоб мир дивился,
Чтоб по углам щемилось зло...
А то, что здесь, в глуши, родился,
Не значит, что не повезло.
Не плачьте, гуси, надо мною,
Не рвите душу, журавли,
Я первым выйду к вам весною
На самый краешек земли.

Избушка

Приезжай! И сам узнаешь.
Сходим в лес, и подтвердишь,
Что, когда вконец устанешь,
Еле ноги волочишь.
И рюкзак...? Да тот же камень!
Отнимается спина,
Из последних сил дотянешь,
Доползёшь, и вот ОНА!:
По-над речкой на опушке
В тихом царстве глухарей
Ждёт, как мать, моя избушка
С иван-чаем у дверей.
Подойду я к ней усталый,
Приложусь щекой к стене,
Что так сердце задрожало,
И светло, и грустно мне.
Как ты тут, моя родная?
Вон как выстыла зимой.
Успокойся, я всё знаю,
Я вернулся, я с тобой.
И к печурке, да с поклоном
Пряча мокрые глаза,
И блестит в стекле оконном
Материнская слеза.
Стол накрыт, налита кружка,
Месяц сел на зимовье.
Ну, рассказывай, старушка,
Про своё житьё-бытьё.

Так без лампы и без света
До рассвета просидим,
Нам не надо слов-ответа –
Мы душою говорим...
Солнце выплывет в тумане,
Распустив подол зари,
Запоют в родном урмане,
Просыпаясь, глухари,
Луг духмяный, лес, речушка –
Заповедные края.
Здесь стоит моя избушка,
Здесь и Родина моя.

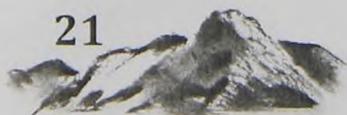
Я построю наш дом на околице

Я построю наш дом на околице
Щекурьи у берёз на яру,
Чтобы видеть, как зорюшки молятся
За рекою в лугах поутру.
Как с травы серебро осыпается
На сопящих в обнимку шмелей,
Пусть душа до ушей улыбаётся,
С лёгким сердцем и жить веселей.

Всё, родная, для счастья я сделаю:
Баньку слажу, овечек возьмём,
Не забором, смородиной спелой
Вдоль тропинки к соседям пойдём.
Огороды вспашу, стог за рощицей
Подниму в синеглазую высь.
Да с такой-то любовью-помощницей
Все задумки исполню за жизнь.

Первым делом иконы с лампадкою –
В красный угол, потом уж – кровать,
И, скрывая истомушку сладкую,
Стол, смущаясь, начнём накрывать.
Всё своё – и картоха, и маслице,
А в деревне иначе никак.
Только коли уж руку-то на сердце –
Я по дереву больше мастак.

Каждую плашку рубаночком вылижу
И узором и лаком пройдуся,

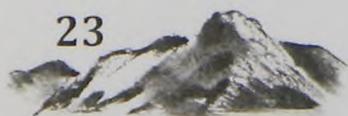
Печь-кормилицу русскую выложу,
Чтобы Бог ещё чувствовал Русь.
И крыльцо распишу и наличники,
Затеплю по окошкам герань,
И кормушку – чтоб вспомнили сырчики
Добрым словом в студёную рань.
Там, глядишь, домовёнок поселится,
Станет сказки ночами читать,
И, усевшись на крышу, Медведица
Звёздной лапою люльку качать.

Прим.: сарчик, сырчик – трясогузка (коми)

Лесное

Вышивает заря
Красной нитью по шёлку тумана.
С материнской любовью
Купает река облака.
Тает солнечный диск
Остывающим бубном шамана,
И алмазные рыбы
Трепещут в сетях паука.
Опускается ночь,
Как богиня, по звёздам ступая.
Пробежав налегке
По ступенькам согнувшихся трав
Юный месяц в тиши,
Серебро спелых рос осыпая,
Долгожданно целует
Русалочки лица купав.
То берёзка вздохнёт,
То рябина под ласками ветра,
То вдруг тихой молитвой
Разбудят леса глухари,
И по чёрному зеркалу
Вод кружат вальс до рассвета
Плавунцы с водомерками,
Точно под счёт раз-два-три.
Эта музыка вальса
Везде, присмотришь хоть немножко.
Видишь – девушка машет
За речкой косынкой зари.

Протянула ольха
Шелковистые ветви в серёжках,
Просто: руку на стан,
Подбородочек, и... раз-два-три!

Птаха

Горит огнём шиповник спелый
Среди опущенных ресниц
Пустых кустов осиротелых
Под переклик спешащих птиц.
И только ель зелёной лапой
Прощально машет, да река
Напротив дедушки Агапа
Ещё качает облака.
Там полынья. А в ней – чирочек.
Не утка – уточка с вершок,
Подранок, серенький комочек,
Видать, агаповский грешок.
А вокруг его уже собака
Соседей мечется по льду,
Уже готовится атака...
И я – бежать. И на ходу
Кричу: «Не сметь!» – грозя ей палкой.
Та – наутёк. И тут чирок
Ко мне походочкою валкой
Заковылял. А я продрог,
Летел, считай, в одной рубахе,
Прижал к душе и – в перепляс.
Кому теплее: мне ли, птахе?
А догадайтесь-ка с двух раз!

Зов тайги

Стали ночи темней и длиннее.
Не добудишься солнца к утру.
Отгоревшие свечи кипрея
Разлетелись на стылом ветру.
Осыпаются пуговики пижмы
Под безудержный осени плач,
И, нахохлившись, серые избы
Грустно смотрят в угрюмый кедрач.
Но не это мне в тягость сегодня:
Где-то там, за туманом курьи
Ждёт зимовье в таёжных угожьях,
И в рассветной тиши глухари
Вылетать стали дружно на гальку
Обмелевших закосок Хулги.
Стосковались на привязи лайки,
Да и я – по просторам тайги.
И, казалось, какие грустинки –
Шаг с крылечка ступил, – и тайга.
А душа каждой ночью снежинкой
Улетает туда, где снега
Заметают по крышу зимовье
В чистокровных верховьях Вольи,
И Урал в ледяное оковье
Спрятал будущность русской земли.
Только там ветер вылечит душу,
Там мой дом и единственный храм,
Где законов тайги не нарушу
И другому нарушить не дам.

Чего желать?

Под утро снегом выбелило поле,
Берёзок у калитки не узнать...
Ну что ж – пора, не сдерживаясь боле
И мне успеть им главное сказать
О той любви, с которой в мире прожил
К родной земле, родителям, семье,
Что раздавал, а что напротив – множил,
И чья любовь с небес вернулась мне.
За всё, что было, есть, и то, что будет,
Что вижу, слышу, чувствую, творю,
За совесть, что ночами сердце будит,
Я Господа, как сын, благодарю.
И вас, пока живу я, буду славить
И целовать в медовые уста
За то, что мне дано свой след оставить
На снежном поле чистого листа.
И я уйду в назначенные сроки
В неведомые дали, как и все,
Но кто бы знал какие стихотопки
Я пил, родные, с вами по весне!
А сколько счастья осень приносила –
Писал стихи и плакал с ними сам,
И Бог любил, и Родина любила,
И сотни птиц мне пели по лесам!
Чего желать?.. Пусть ветер наши свитки
Читает вслух и слушает рассвет,
И хоть одну бы душу у калитки
Согрел под вами мой далёкий свет.

Вот и лебеди к нам прилетели

Вот и лебеди к нам прилетели.
Снег осел чернотой у трубы.
Весь апрель не пурга, так метели
Выдували тепло из избы.
Хорошо, что делянка под боком,
Ну да ладно, поди не впервой,
Вон душа-то как тянется к строкам,
Услыхав лебедей над собой...
А над речкой плывёт, заливаясь,
Белый клин в небесах голубых,
И стоишь, всей душой улыбаясь,
У калитки, встречая родных.
Настрадались видать на чужбине...
Что ты Севера ближе найдёшь?
Сам порою прижмёшься к рябине,
Словно к матушке милой прильнёшь.
У крылечка зимою ли, летом
Жизнь-то тоже, так скажем, не мёд,
Приобнимет, поможет советом
И простит как всегда и поймёт.
Это ж родина, как же иначе?
Всё по совести здесь, по-людски,
И былинка с тобою поплачет,
И подставят плечо мужики.
Где-то люди, наверно, картошку
Посадили, и даже цветёт,
Здесь же к лунке протопчешь дорожку,

А к обеду опять заметёт.
Но уж коли запела синица,
Семь денёчков – и жди ледоход!
Всё предскажет мудрейшая птица,
Потому и спокоен народ.
Пусть опять на сто вёрст бездорожье,
Половодьем отрежет пути,
Но роднее земли и дороже
Нам в России нигде не найти.

Затаинка

Ветер грусть полощет в луже,
Льют осенние дожди.
Дай мне плащик, что похуже,
И до вечера не жди.
И вопросами не мучай –
Ничего я не скажу.
Просто так, на всякий случай
За околицу схожу.

Одиноко. Сердце стынет.
Где найти себя? В вине?
Нет! В тайге! Она и примет
И согреет душу мне.

И ползёт она, хромая,
По низинам и буграм,
И вхожу я, замирая
Гулким сердцем, в Божий храм.
Лёд окладом взял запруду,
На ветвях блестит слеза,
Чистым золотом повсюду
Пишет осень образа.

Посижу, слезой умоюсь,
Край тумана подниму,
Поклонюсь землице в пояс –
Радость светлую приму.
И домой, светясь от счастья,
Как же – душу излечил!

Чувство, словно как причастье,
И прощенье получил.

Хрустнет ветка осторожно,
Тень мелькнёт среди рябин,
Тут же с выучкой таёжной
Быстро вскину карабин...
Да ведь это же... лосиха!
Опущу, целуя крест..
И чела коснётся тихо
Лист резной, как Божий перст..

Мне нравится смотреть в лицо заката

Мне нравится смотреть в лицо заката
За несколько минут до темноты,
Как тает дальний берег переката,
И льётся позолота с высоты.
Как в тишине белёсые полосы
Бездумно вьются кромкою воды,
И щемятся озябшие берёзки,
Коленки спрятав в гуще лебеды.
Как пахнут травы, к ночи остывая,
Стеля вокруг душистую постель,
В которой скрипнет, изредка зевая,
Бессонницей страдая, коростель.
И каждой травке дарит по алмазу
Природа, наша ласковая мать,
И сознаёшь, конечно же, не сразу,
Что эта вся земная благодать
Ниспослана и создана Всевышним,
Чтоб стали мы хоть чуточку добрей,
Чтоб недруг твой стал другом самым близким,
А друг ещё надёжней и родней.
Чтоб сердце замирало в состраданье
При виде ружей, вскинутых к плечам,
И только здесь приходит пониманье,
О чём Природа плачет по ночам.
Мы для неё – как пальцы на ладони,
Любой поранишь – выступит слеза,

По нашей воле зверь в капкане стонет,
Мелеют реки, рубятся леса.
Все беды от тебя, мой мальчик-с-пальчик,
И от таких, как ты – царей зверей.
Ведь раздавив, не глядя, одуванчик,
Мы можем стать светлее и добрей?
И я снимаю мокрые ботинки
И, наклонившись словно к малышу,
У маленькой, тонюсенькой былинки
За всех царей прощенья прошу.

Рубеж

Всё, что свято мне,
Всё, чем живу,
Чем живут мои внуки и дети –
Это Зорьки мычанье в хлеву,
Переклик петухов на рассвете.
Это грядки к соседним дворам,
Палисад от окна до калитки
И детишек счастливейший гам,
Волокущих игрушку на нитке.
Это пашни, леса и погост,
Где все бабушки-дедушки рядом,
Речка с пристанью, старенький мост,
Фотографии рядом с окладом,
Светлый взгляд самой лучшей жены,
Колыбельные, тихие песни
И далёкие зори весны
Тех, которыми связаны вместе.
А ещё
Напоследок скажу:
За всё то, что озвучил навскидку –
Я на плаху себя положу
Иль повешу крестом на калитку.
И хоть жги ты меня, хоть ты режь,
Никогда не склонюсь я в бессилье –
Здесь мой дом,
Здесь последний рубеж,
Как последней деревни России!

Не помню

Вроде та же река, тот же остров напротив
деревни,
И пески нерловицы, и мыс щекурьинский вдали,
И рябинушка мамы, и папин топор на полене,
И его же рубанок с ножовкой – бери и пили.
И всё так же июль-сенокос паутиною вяжет.
Даже помню, как мы выходили уступом косить:
Папа, мама и я... А вот где? ...

И отец не расскажет.

Мне б у мамы узнать...

Так и маму уже не спросить...

Лишь тронет ветер ночью ставни

Лишь тронет ветер ночью ставни,
Качнёт дыханьем гущу трав,
Как тут же думушки о маме
Мостятся, плечи приобняв.
И нет ни радости, ни света
От красоты родной земли,
Ах, мама, мама, как же это
Мы Божий дар не сберегли.

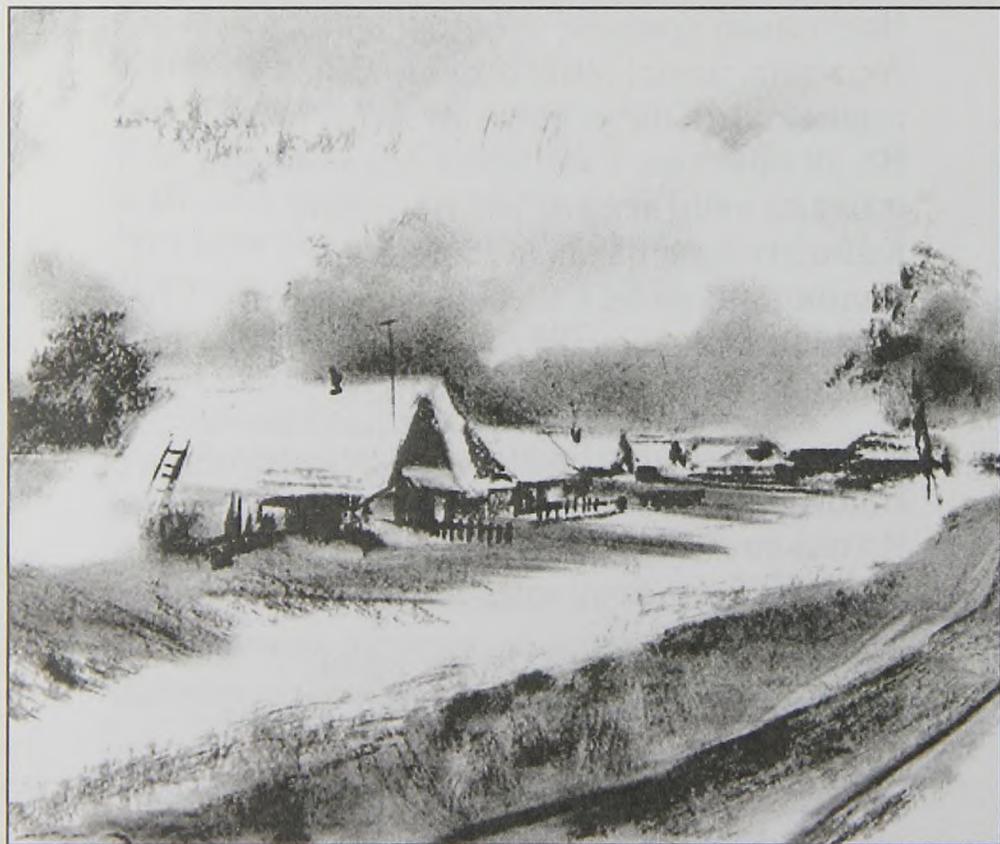
Как ты живёшь теперь, родная,
В квартирке скромной у сестры?
А здесь, в избе твоей, чужая
Семья живёт из Шантары.
Всё перестроили по новой –
От половиц до потолка,
И ни копёшки, ни коровы,
Ни Бимки нет, ни парника.
И только так же полыхает
Твоя рябина во дворе,
Да опечаленно вздыхает,
Роняя слёзы на заре.

Я прихожу, когда стемнеет,
Уткнусь в рябиновый подол,
И всё – чем жив, болит, довлеет –
Как на духу! А тонкий ствол
Дрожит, ветвями глядя щёку,

И шепчет: «Сыночка ты мой»...
А я завывать, подобно волку,
Готов, вжимаясь головой...

Теперь ты в городе – с сестрою.
С ней хорошо, какой тут спор.
А я в ночи глаза открою,
На плечи ватник и во двор.
Курю, как грешник возле храма.
С чего? Да просто осознал,
Что я сестрёнке вместе с мамой
И солнце родины отдал.

Ключи

Ты знаешь, мама, мне опять приснился
наш старый дом с рябиной у окна.
Стоит родной, нигде не покосился,
по всем углам коса заплетена.
И крыша смотрит в синие глубины.
Все окна и крылечко – на виду,
и лавочку с костром твоей рябины –
всё отыскал, лишь двери не найду.
Так и стоял – потерянный и грешный –
перед избой, как совестью своей,
просил её, от слёз полуослепший,
раскрыть ладонь родительских дверей.
Перед избой... А, может, перед Богом?
Настолько грешен, что прощенья нет?
Ах, мама, мама! Много, очень много
поднакопил их за десятки лет.
Но он простил, в который раз поверил, –
и папка наш, всё тот же, молодой,
выносит мне, распахивая двери,
полный ковш с колодезной водой
и вышитое красным полотенце...
И счастьем светит каждое окно...

Не встретит он... Врачи сказали – сердце...
И дома нет, он сгнил уже давно.
И только ключ, как вечная лампада,
Моей души, – беру, когда хочу...

Ну, что ты, мама, милая, не надо,
не плачь, родная... Всё. Молчу... Молчу...

Осеннее

Что же ты загрустила, родная?
Или вспомнила, сколько нам лет?
Ты же юность моя золотая,
А у юности возраста нет.
Пусть ночами отставшие птицы
Догоняют осенние дни,
Сарафаны июньского ситца
Никогда не поблекнут твои.
Глубина синих глаз с поволокой,
Твой серебряный голос грудной
Неизменны с той встречи далёкой...
Разве спрячешь красу сединой!?
Ты моя журавлиная песня,
Негасимая радость души,
Мы навеки с тобой будем вместе,
Как едины с зарёй камыши.
Дай-ка к сердцу прижму, золотая,
Что нам этот осенний рассвет,
Пусть природа грустит, увядая,
У любви нашей осени нет.
Если надо, соломинкой лягу,
Растоплю сердцем вечные льды,
Упрошу предсказать бабу Вангу
И закрою собой от беды.
Застелю простынёю туманы
На стогу среди звёздных полей
И сквозные душевные раны
Забинтую любовью своей.

Под самый вечер

Под самый вечер прямо на покосы
За вешние разливы Щекурьи
Упали гуси в розовые косы
Уснувшей за околицей зари.
И до утра проплакали от счастья,
Целуя на остожьях будыли...
Через моря, расстрелы и ненастья
Свою любовь на крыльях донесли.

На Севера, где снега выше крыши...
Вот глупые. А мы-то поумней!
Они – сюда, а мы летим в париж,
Как будто там теплее и сытней.
Ругаем наши зимы на Ямале,
Тундровый гнус и в банках винегрет.
Мечтаем о бунгало в Гватемале,
Об устрицах с кальмаром на обед...

А в небе – стаи, пары, одиночки...
Орлы и птахи, утки, журавли –
Несут любовь крылатые комочки
К святым озёрам Северной земли.
За клином клин, рыдая от восторга,
Скорей домой, на Русь! И, может быть,
Сейчас из синевы устами Бога
Нас птица учит родину любить.

Зоопарк

Тайга. Рассвет. Над речкой звёзды
Клюют неспешно глухари...
Смотрю... И острое занозы
Опять царапает внутри.
Как жаль – нельзя охотоведу
Жить по законам лебедей,
Им – в небеса, тебе – по следу
Ползти назад в клубок людей.

Жена с весны: «Ну, может, хватит?
Все едут к морю, ты – в тайгу!
Мне льготный дали, всё оплатят,
А Юля? Снова – не смогу? ...»
А дочка – всё моё богатство...

Приморский город, солнце, пляж.
Жена с утра бежит купаться,
А дочка, взяв на абордаж
Мою ладонь: «По зоопарку!»
Жираф... Верблюды... Змеи... Слон...
Козёл облез, но держит марку...
Макаки в пляс... И слышу стон
И вижу, рядышком из клетки
Встал медвежонок из угла,
И вдруг слеза по ржавой сетке,
Скользнув, ладонь мою прожгла.
А дочка: «Па, он лапку тянет!
Ты хочешь в лес? Не бойся, нет,
Медведик, папа не оставит,
Он добрый, он – охотовед!

Он всех спасёт! Он оленёнка
Отбил у волка в холода...»
А я, прижав к груди ребёнка,
Беззвучно плакал от стыда.
Вокруг народ смеялся громко,
Кружил над парком медный туш,
И стыли слёзы медвежонка
На омертвевшей коже душ.

Только бы успеть, не опоздать.
Этой ночью, длинной и унылой,
До смерти холодной и немой,
Потянуло вдруг со страшной силой,
Потянуло к матери домой.
Отогреться маминой улыбкой,
Выпросить у детства паруса
И уплыть на тоненькой и зыбкой
Радуге в тугие небеса,
Чтоб увидеть – где-то за закатом
Как бежим вприпрыжку, кто быстрее
С братом Толей (самым лучшим братом!)
Удить с баржи в солнце пескарей...
Господи, когда же был я дома?
Даже вспомнить сразу не могу...
Словно не меня собой от грома
Укрывала мама на стогу,
Не косил росу в речном тумане,
Не поил закатами коней,
Не мои друзья лежат в Афгане
Среди Богом проклятых камней...
Потянуло, как же потянуло,
Не увижу, кажется – умру,
И такую горечью плеснуло,
Что и слово ей не подберу.
Ни письма, ни весточки-открытки,
Как уехал – словно отрубил,
Даже звон малиновый калитки
Я уже не помню – позабыл.

Позабыл, как пахнет в поле мята,
Как цветёт под окнами кипрей,
Как в ладонях зимнего заката
Догорают капли снегирей.
Позабыл... и нет тому прощенья.
Это ведь... как родину предать...
Я приеду. Завтра. На Крещение.

(Только бы успеть, не опоздать).

Роза ветров

Где-то выстрел далёкий
Раздался в рассветном тумане,
Остывающей кровью
Стекла по осинам заря.
Тонко вскрикнула пуля,
Ударившись в грудь мирозданья
И уйдя в рикошет,
На излёте попала в меня.
И заняла душа,
Называя убийц поимённо,
Даже в наших краях
Их людьми никогда не зовут –
Расстреляли лосей,
Чтоб пылилась в прихожей «корона»...
Глупо веруя в то,
Что они никогда не умрут.

А когда по весне
Долетев сквозь заслоны картечи,
Птица видит святые
Озёр голубых образа
И в слезах голосит
На своём лебедином наречьи,
Я прошу, мужики,
Поднимите, ликуя, глаза!
А не мушки стволов
Под нахмуренной бровью заката,
Чтобы срезать того,

Кто всех ниже над песней реки...
Это кто-то из наших
с Афгана вернулся, ребята,
На такой высоте
Никогда не идут чужаки.

Я по жизни бродяга,
Отдавший себя Приполярью.
От зимовья к зимовью
Ведёт по ночам Альтаир,
И в последний свой час
Я долги за собой не оставлю,
Я уйду налегке,
Как когда-то пришёл в этот мир!
Мне не надо креста,
Не давите мне сердце надгробьем,
Ни чугунных оград,
Ни речей, ни заплаканных лиц.
Вы развейте меня
Дикой розой ветров над Приобьем,
Чтобы встать в белый строй
Самых преданных Родине птиц!

Фотография

Стоим, приобнявшись за плечи,
Стоим, как обычно втроём...
Смотрю, и как будто бы лечит
Потёртый армейский альбом.
Налево – Никола из Львова,
По правую руку – Мирза...
Я глажу их лица, и снова
Ползёт по морщине слеза...

Стоим всесоюзною ратью
И знаем, что дружба – навек...
Мы были действительно братья –
Украинец, русский, узбек.
И были эстонец с евреем,
Казах, молдованин, грузин,
Латыш – командир батареи
И взводный – москвич Караблин...

И снова товарищи снятся...
И давит предательства груз...
Я кровью готов подписаться –
Верните Советский Союз!!!

Грех

Когда израненная дробью
Заря сползла в ладони дня,
Поющий клин
Гусей над Обью
Зашёл на линию огня.
Под маскировочную сетью
Взяв упреждение на патрон
Хлестнул стрелок свинцовой плетью
Поющий в небе эскадрон.
За первой падала вторая,
Встречая грудью два ноля,
А птицы, даже умирая,
Шли на родные профиля,
Шли на родной кусочек суши
Из Копенгагенов и Ницц,
И только родственные души
Могли понять безумных птиц.
Вот и последняя над поймой
Закрыта мушкой ствола...
Лежат расстрелянной обоймой
Вокруг крылатые тела.
И я, чьё сердце не дрожало,
Когда стрелял их не спеша,
Ещё не знал, что там лежала
Моя убитая душа.

...Уже давно другая зорька
Встаёт туманы сторожить,
Я всё бы отдал, чтобы только
То утро заново прожить,
Когда трофеи собирая,
Касаясь тёплых, нежных крыл,
Ещё не знал,
Что двери рая
Рукою собственной закрыл.

*Прим.: гусиный профиль – охотничий атрибут
приманивания птицы; два ноля –
нумерация картечи.*

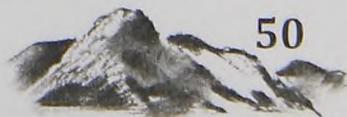

Ребёнок

Самый первый, кто его встретил
В этом мире, был мамин нос –
Самый-самый красивый на свете!
Только странно, что без волос.
И смеялось над ними солнце,
Отражаясь в расколах льда,
И лягушки им из болотца
Восхищённо кричали: «Да!»

Ах, какое, скажу вам, счастье
Ощущать милой мамы тепло!
Не страшны с нею волчьи пасти,
Ни другое когтистое зло.
Росомахе устроила встряску –
Поживиться хотела мной...
И пока не дошепчет сказку,
Не уходит на водопой.

Ночь. В прохладе речной протоки,
Сдунув звёзды, она пила....
И вдруг выстрела гром в осколки
Перед нею разбил зеркала...
И не знала лосиха, веря
Тишине затуманенных рек –
Нет на свете страшнее зверя,
Чем двуногий зверь – человек.
Только Бога слеза скупая
Оросила седой рассвет...
Спал ребёнок, ещё не зная,
Что кормилицы больше нет.

Олень

Пылал закат, сгущались тени,
Стихали птичьи голоса,
Дремал в камнях ручей Олений,
В прохладе нежились леса.
Урал былинным великаном
Стоял бронёю, льдом блестя,
Река, укутавшись туманом,
Ждала небесное дитя.
И вдруг по краешку заката
Сбежал серебряный олень
К струе поющей переката,
А за рекою третий день
С ночным прицелом автомата
Ждала трофей людская тень...
...Он пил закат, порою плавно
Вздыхал венец и снова пил,
И всем казалось, он о главном
На равных с Богом говорил,
Как говорили раньше предки
В далёком зареве земли,
И звёзды белками на ветках
Качели мира берегли...
...Ударил гром. Над водопоем,
Ломая крылья тишины,
Завыла нечисть разнобоем
Под жёлтой шкурою луны.
Захотала лешачиха,
И там, в мерцающей дали,

Господь задул свечу и тихо,
Шагнул подальше от Земли.
И замер мир. Осиротелый
Закат истаял в никуда,
А в тишине в сорочке белой,
Сгорая, падала звезда.
Земля от ужаса молчала...
Туман забился в лебеду...
Одна река, как мать, качала
В руках убитую звезду.

Волчонок

Я его под корягой нашёл –
Голопузую волчью босоту.
«Как же ты, мокроносик, ушёл
От облавы двуногих к болоту?!»
И – за пазуху. Там и согрел.
В дом принёс. И насильно из соски...
Через месяц с ладони он ел,
А играл так, что тряпки в полоски,
Как ребёнок! А я-то как рад!
Волк – помощник, и это не байки!
И казалось, что он во сто крат
Будет в жизни мне преданней лайки.
А подрос, я ошейничек сшил
И на цепь, а не хочешь – в вольере.
И ноябрьским утром решил
Испытать волчью хватку на деле....
Вот и лес. Дробовой в получок!
Вдруг лосиха метнулась кустами.
«Что молчишь-то, товарищ волчок,
Идеальный помощник с клыками?»
Я ошибся. Он видел её,
Всё в момент просчитав и наметив.
Только я не учёл одного –
То не люди, чтоб лаяться, встретив.
И носились они тем леском
Всю-то ночь, будто дети, играя....
В нём проснулся, я понял потом,
Дух свободы волчонка из стаи.

Больше мы не встречались нигде,
Вот что значит быть волчьего роду.
И не корку он выбрал себе
И не цепь. А тайгу и свободу!

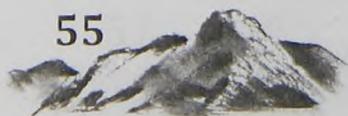

*От любви до ненависти – один шаг.
От ненависти до смерти – один взгляд.
Только доброта не имеет измерений,
она или есть или её нет, без всяких шагов и взглядов.
Полувлюблённым ещё можно быть, а полудобрым нет.
Тут или, или. Я никого не убеждаю, просто я так думаю.*

Охотовед Володя Квашнин

Кто б рассказал, по чьей волшебной воле
Твои стихи рождаются на свет..
Одним любовь,
Романтикам тем боле,
Умыв росую, дарит их рассвет.
А мне – тайга. Да только чаще... в горе
Посадит к шкуре на кровавый снег
И стылым взглядом мёртвых глаз в укорё
Вонзает нож.... под самый оберег.
И рифмы, перекрученные болью,
На бересту, как горький чистотел,
Ложатся, разъедая сердце солью, –
Не спас, не добежал, не доглядел.

И пусть они бесхитростны, наивны,
Порой всего-то – слабый запах трав,
Но как их жадно слушает рябина,
Когда ей декламирую, обняв,
В ночной тиши у дедова крылечка
Под переливы звёздной мишуры!
И слышу я, как бьёт её сердечко
В слепых слезах под кожицей коры...

В своих стихах успеешь и волчонка
Спасти от польмя ты и зимой,
Прижав к груди найдёныша-лосёнка,
К зимовью с ним пробиться через вой
Голодных стай. И всех до боли жалко!
И сердце разрывается за всех...
И бьются мысли пойманною галкой –
Как их спасти, не взяв на душу грех?

Кто ищет в храме, я ж – в тайге, и верю,
Что доброта, она, как чистотел
Нужна былинке, людям, птице, зверю,
Без доброты и мир бы опустел.
Вот и сейчас я до последней капли
Готов отдать сердечное тепло
В надежде, что бинтуя ногу цапли,
Пусть хоть на каплю уменьшаю зло.

Промысловик

Дым над плёсом гнётся коромыслом,
Лижет пламя мятый котелок,
Харюзок, на прутике повиснув,
Пульками отстреливает сок.
Укатившись мячиком за плато,
Плещет в речке солнце на мели,
И стекает золото заката
По ветвям в речные хрустали...

Кто я здесь – хозяин, гость, прохожий?
Я – охотник, вот мой карабин.
Значит, враг? Но почему всей кожей
Чую горечь срубленных рябин?
И на тропах зверя обрываю
Петли браконьеров у реки.
Почему? Да потому, что знаю –
У добра должны быть кулаки.

Не нужна властям моя природа...
Что с того, что лампою – звезда,
Что порой с еды – мука и сода?
Не погрём, у нас и чай – еда.
Это дочь всё зазывает в город.
А кому за живностью смотреть?
Вот хвоинка юркнула за ворот,
Тоже надо кроху отогреть.
Здесь ночами думаешь о многом:
Времени, правителях, стране...
Вот кому бы с совестью и с Богом
Хоть разок побыть наедине!

Солнце вниз ушлёпало по броду,
Месяц серебром осыпал мох.
Ухнул филин – выяснять погоду,
У бельчат подняв переполох.
Паучок спустился с небосвода.
Чай брусничный млеет на огне...
Засыпает дикая природа,
Жизнь свою доверившая мне.

Я благодарен

Я благодарен собственной судьбе
За всё, что мне послала в этой жизни,
Что больше отдавал, чем брал себе,
Не думая, кто дальний, а кто ближний.
Что позволяешь с кончика пера
(найдя ещё одно предназначенье)
Входить в твоё,
Вселенная,
Течение
Прозрачной струйкой мысли и добра.
Что сердце в скорлупу не заточил
И каждым нервом чувствую Природу
И берегу звериную свободу
Я как могу, на сколь хватает сил.
Спасибо ей за веру во Христа.
Что я живу звездой своей хранимый,
За счастье – целовать уста любимой,
День начиная с чистого листа.
За то, что не убил и не украл,
Всё чувствую,
Дышу,
Внимаю,
Слышу,
За то, что на ладони угадал
Неясный путь начертанный мне свыше.

Стрекоза

«Папа, папочка мой, я стрекозку поймала!»
Колокольчиком голос, сияют глаза.
Только вроде бы сено к копне подгробала,
А уже разнотравьем летит егоза.

Ах, ты чудо моё! Дай-ка я поцелую...
Прижимаю легонько родное тепло...
И вдруг мне показалось, что я не малую
Приобнял, а душою ступил на стекло.

Как же ты, золотая, похожа на маму.
Мы ведь тоже поймали тебя на лугу,
А точнее – она, я-то, если уж прямо –
Никудышный ловец, лишь отцом и могу
Быть навеки твоим, мой любимый котёнок,
И сидеть над тобой, захворавшей, всю ночь...
Сколько их перестирано, этих пелёнок...
Мамы тоже на свете есть разные, дочь.
Счастье, милая, там, где целуют с порога...
И к чему это я тут с тобой загрустил...
Отпусти стрекозу, пусть летит себе с Богом...

Так когда-то я маму твою отпустил.

Покров

Пролетело паутинкой
Бабье лето, и уже
Хрустнет лужа утром льдинкой
Рядом с солнцем на меже.
Стала дольше ночь в подоле
Нежить зорьку. Лист опал.
Огурцы пищат в рассоле,
Клевер греет сеновал.
Ставят бражку, топят бани,
По деревне кучи дров,
Мужики готовят сани –
Ждёт Русь-матушка Покров...

Вот и праздник. Златоустно
Благость по небу плывёт..
Почему же мне-то грустно,
И тревогой сердце жмёт?!
И вдруг песней недопетой
За рекою журавли
Сели в ночь напиться света
Красоты родной земли,
Чтоб с зарею снова Бога
Славить в далях золотых..
Если б знал я, что у стога
Нелюдь целится в святых...

Разлетелась в клочья алость
Тишины, поднялся клин,
Лишь одна душа осталась

Ждать зарю в плену дробин.
Я – к реке, а там уж тучи
Прячут звёзды в паруса,
Вдруг завьюжил снег колючий,
Эхо спряталось в леса,
Даль пыталась разгореться...
А на крылья журавля
Из простреленного сердца
Тихо капала заря.

Опрокинула ковшик Медведица

Опрокинула ковшик Медведица
Над лугами с хрустальной водой.
Пахнет мёдом у баньки поленница,
И милуется тын с лебедой.
Собирает заря по затаинкам
Синегорья в подол киноварь,
И в осоках литовочкой маленькой
Тешит душеньку месяц-косарь.

Заплела в косы ленточку алюю,
С синеглазым ведёрком в руке
Деревенька невестой желанною
Из тумана выходит к реке.
Белоснежное платье черёмухи
Осыпают росой пауки,
И, поклоном встречая, подсолнухи
Просят сердца её и руки.

А она с лебединою верностью
Ждёт, целуя мечту на крыле,
Что из города – каменной серости, –
Возвратится хозяин земле.
Отобьёт остры косы на камушке,
Искушает в закатах коней
И под старой иконой прабабушки
За Россию помолится с ней.

Заметает снегами метелица
Переулками зимние дни.

Почернела у баньки поленница,
Не осталось в округе родни.
Ни желания больше, ни времени
Ждать годами людского тепла...
Дай, Господь, рассмотреть в этой темени
Над собою два белых крыла.

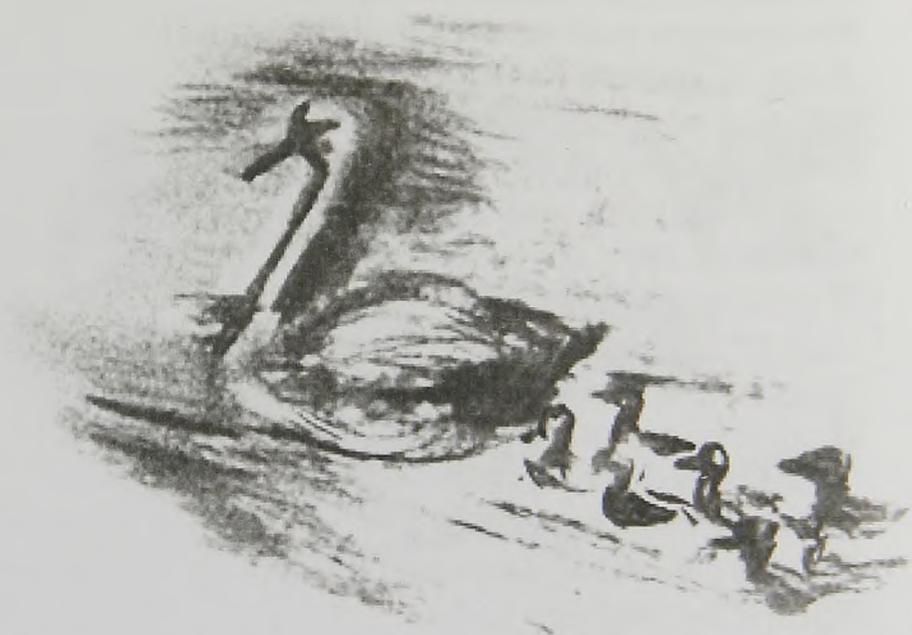

Возвращайтесь

Облетел березняк за рекою.
Почернели стога от дождей.
И в ночи, не давая покоя,
Будит горестный плач лебедей.
Вот и эти собрались в дорогу,
Выбирают себе вожака,
Кто почувствует первым тревогу
И поднимет свой клин в облака.
Что сказать мне вам, Божьи созданыя?
Лишь одно, что не раз говорил –
Нет для родственных душ расстоянья,
Как любви не бывает без крыл.
Возвращайтесь живыми обратно,
Берегите друг друга в пути,
Я весной на кромку заката
Выйду первым крыла расплести.
Подарю обручальные кольца
Новым парам на долгую жизнь,
Чтобы в стенах родного озёрца
Лебедята у вас родились.
Вместе с внуком и дочкою Юлей
Принесем обереги свои,
Пусть вся дробь и свинцовые пули
Не достанут вас с грешной земли...
Доброта... Или просто довеском
Опустил Бог в глубины души?...
Я не знаю, но быть Человеком
Можно даже и в этой глуши.

Жизнь любого на свете бесценна,
Даже этого вот мураша,
Что взобрался... И смотрит с колена
Прямо в душу живая душа.

Эликсир жизни

Спит у баньки под боком смородина,
Спит, туманом укрывшись, баркас...
Как прекрасна ты, милая родина,
В этот тихий предутренний час.
Деревеньки родная околица...
Речка-Ляпушка в росном хвоще...
Утром с травами вместе помолишься,
И весь день благодать на душе.
И идёшь по деревне с улыбкою –
Где-то словом, где делом помог,
Приобнимешь рябинушку гибкую –
И увёл от печалей-тревог.
По-соседски листвянку кондовую
Закатил под избу в окладник,
Или Дарье с быдливой коровою
Подсобил – изошлась вся на крик...

Есть силёнка в руках молодецкая.
Нам ли русским грустить-горевать?!
Как душа-то не будет тут детская,
Коли рядышком родина-мать?
И, казалось бы, как не скрывается
Всюду матушки милой глаза,
Лишь в беду не давая отчаяться
Открывает свои образа.
Главно – Богу душою довериться
И любить, как себя, этот мир,
А когда ты любовью поделиться,
Жизнь сама поднесёт эликсир...

Вот и зорюшка, наша красавица,
Нарядилась в лазоревый плат,
Растопила туманы у старицы,
Отогрела озябших утят.
Осторожно рукой невесомою
Деревеньку мою обняла
И привычно заботами новыми
В радость жизни меня повела.

Корни

Что не жить-то в такой благодати –
Вышел к Ляпушке удить с мостка,
А по заводям алым в закате
Лебедями плывут облака.
Ивы в низком поклоне с коленца
Расплетают косу за косой,
А туманы с низин полотенца
Им подносят, любуясь красой.
Вот и ночь черноглазой цыганкой
Звёздной шалью укутала тишь.
Ясный месяц-жучок над полянкой
К спящей зорьке крадётся в камыш...
А ты смотришь, как сказку читаешь,
И, казалось бы, видел сто раз,
Вдруг до боли в душе понимаешь, –
Это ж счастье – жить здесь и сейчас.
В заповедной своей глухомани –
Ни заводов тебе, ни дорог,
Ни нефтяника с фигой в кармане,
Только родина, совесть и Бог...

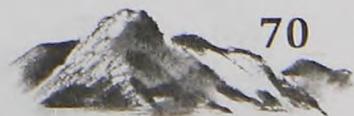
И хоть вечность сиди да любуйся,
Как лазоревки росы клюют...
А работа? А вдруг разосплюсь я?
Опоздай – на всю жизнь засмеют!
Тут не город, здесь всё под контролем.
Сам глазаст, так и ты – на виду.
Вся деревня за общим застольем
В праздник сядет, и в горе-беду

Всяк поможет без всякого долга,
Не жалея ни сил, ни гроша,
Тут ведь сызмальства с совестью строго,
Вот и настезь – что дверь, что душа...

Сел на удочку месяц уныло,
Провожая... И только на яр –
Сватья в глаз фонарём засветила –
Кто, откеля, да что за гусар?!
Вот кого-бы послать на таможду
Верещагину в службе помочь –
По любому впотьмах бездорожьё
Сможет в штаб «челнока» приволочь.

Вот и зорька протёрла оконца...
«Эй, славяне, хорош ночевать!»
Крикнул я на весь мир у колодца
И вразвалочку горн раздувать
В кузню к речке, а вслед баба Маня:
«Ай, Володюшка! Ай, молодца!»...
И тепло на душе от сознанья,
Что и в этом похож на отца.

Под сердцем века

Когда земля ещё сшивала
Противотанковые рвы,
Когда любая мама знала,
Как печь лепешки из травы,
И по ночам ещё держали
Открытой дверь и свет в окне,
Ещё умели ждать
И ждали
Давно убитых на войне,
Ещё сидели на каталках
Обрубки огненных полей,
Ещё в своих горели танках
Они в тиши госпиталей,
Ещё менялась на базарах
Тушёнки банка у жулья,
Ещё держал ГУЛАГ на нарах
Любивших Родину, как я,
И только-только поднимались
Страной Донбасс и целина,
Ещё вручались,
Не давались
На день Победы ордена,
И каждый сызмальства гордился
Бессмертной славою отцов –
родился я,
И крик мой слился
С летящим криком поездов.

И словно заново рождаясь,
Косясь на дедову медаль,
Дрожало время, дожидаясь
Шагнуть моей дорогой вдаль!

Ягода брусники

Тишина, укутавшись туманом,
Сторожила озеро в лесу.
Ночь босой девчонкой по полянам
Рассыпала пригоршней росу.
Паутина стыла над водою,
Лес дремал, уставший от забот.
Только выпь спросонья козодою
Отвечала где-то из болот...

И казалось мне, что это боги
Рай создали. Для кого? Людей?...
Я ведь помню, как, устав с дороги,
Здесь садилась пара лебедей.
Белые, как ангелы, без шума –
Символ чести, верности, любви.
Я тогда, увидев их, подумал –
Кто посмеет ангела убить?
Боже мой, о, как они кружили!
Нам бы так любимых-то беречь...
Может быть, и по-людски бы жили,
Мы же всё стараемся обжечь.

Лебеди... Да тут одно названье
Тянет в небо, к Богу, к чистоте...
Я ушёл, чтоб ни сучком, дыханьем
Не спугнуть их счастье в темноте.
Пели звёзды, месяц улыбался,
Да и я, душой светлея, пел...

Вот и мой кордон, и тут раздался
Выстрел. Я – назад... И не успел...

Одиноко гасли в небе клики,
Первый луч гранил в траве алмаз,
И стекала ягодой брусники
Капля крови из открытых глаз...

Моя родная глухомань

Моя родная глухомань,
Ты всё: и радость, и забота.
Вот что любить? Тайга, болота...
А выйдешь в утрешнюю рань
К родимой Ляпушке с мостка,
Перекрестясь на свет, умыться,
А над водой – заря-девица
С мешочком звёзд у пояска.
Налево горсточку махнёт –
И блещут в травах самоцветы,
Направо – звонкие монеты,
И наше, русское, поёт.
Ты ей – поклон, так и она
Ответным ласково приветит...
А тут уже и солнце светит,
И тает воском тишина.
И зазвенел покосный день!
Буксир чихнул дымком солярки...
Денёк сегодня будет жаркий!
Косу, фуражку набекрень...
И от плеча, держак – к бедру,
С размаху пяточкой под корень!
Пусть Димка в кузнице проворен,
А я в косьбе своё беру!
Брусочком – вжик! И понеслась
Душа в полёт – валок к валочку...
А там и сердце ищет строчку,
А вслед и песня родилась

Или стиши... А вечерком
Прочтёшь рябинке, пусть и плохо,
Прижмётся ласково, дурёха,
Лопочет что-то на своём.
А сопки словно госпожу
Уже на мхах качают зорьку.
С рук покормлю телёнка Борьку,
Придумку на ночь расскажу.
Коней в ночное отведу,
Возьму туман - простынку лета -
С уснувших трав и с книжкой Фета -
На стог под яркую звезду
Читать и слушать в тишине,
Как ветер шепчется с осокой,
И месяц с нимфой одинокой
В озёрной плещут глубине.

Мы все уйдём

Мы все уйдём, когда наступит срок.
Кто – в небытьё, святые – прямо к Богу.
А мне б опять среди тысячи дорог
Найти к любимой Родине дорогу.

Упасть пылинкой с Млечного пути
В ладонь родных уральских бездорожий.
Былинкой в диком поле прорасти
Или ключом у каменных подножий.

Чтобы душа, веками не устав,
Как дух земли, её святая сила
Из родника в окладе росных трав
Моей любовью Родину поила.

Так что некому тут заступиться
За лосей-олений, таймешат-харюзов...
С чем идут в основном-то? С корыстью!
Редко встретишь такого, кто был бы готов
За лосёнка пожертвовать жизнью...

Где-то хор журавлей на болотах поёт,
Там же топи – ни сесть, ни согреться,
И чего восхвалять?... Только русский поймёт –
Так о родине может лишь петься...
...Догорает костёр. Спит в туманах река,
Стынут в росах паучие сети...
И за весь этот мир – от дерев до малька, –
Я один перед Богом в ответе.

Мелочи жизни

*Ребята, буду счастлив, если получится песня,
и мы споём её будущей осенью в тёплой лапе Манараги
у костра под Полярной звездой.*

Стылый ветер, такой же бродяга,
Молча ветку подбросил в костёр.
Захмелевшая тучек ватага
Подливает озёрам кагор.
Пламя прячется рыжим лисёнком
За обугленным днищем бревна,
И стекает по жёлтым осколкам
Мокрых листьев в ладонь тишина.

Над провисшей палаткой сквозь ветки
Шепчет дождь по-отечески – спи...
Но душа рвётся птицей из клетки,
Чтобы снова признаться в любви
Этой нежной, застенчиво-дикой
Синеглазой оленей земле,
Где закаты пылают брусникой,
А рассвет на полгода во мгле
Стынет кровью от волчьего воя,
Дальний космос хрипит немотой...
Но и это держу за святое,
Хоть и сам я отнюдь не святой,
Столько бито на промыслах зверя,
Что три раза срывался в отвес,
Но Господь, только Ангелу веря,
Возвращал мою душу с небес.
Здесь не встретят улыбкой тюльпаны,

Стынет в ягеле ивы печаль,
Но какие весной сарафаны
Надевает вокруг синедаль!
Как поёт долетевшая птица,
Отыскав старый ключ под гнездом,
И спешит лето солнцем напиться,
Отрываясь от неба с трудом!
Пусть зимою морозы и волки,
И брезент вместо каменных стен,
И в запасах лишь банка тушенки,
И берёзки не выше колен.
Пусть снега Харасюрского плата
Поднимают ветра на дыбы...
Это мелочи жизни, ребята,
Принимай их подарком судьбы!
Севера – это та же Россия,
Пусть до Бога чуть дальше других,
Но влюблённым в Россию стихия
Превратит и снега в белый стих.
Дарит рифмы алмазной заточки,
Улыбаясь, шальная звезда..
А всего-то и надо – в две строчки
Поднести ей цветок изо льда.

Разве это не счастье, ребята,
Целовать утром плечи ольхи
И с лосёнком на кромке заката
Пить из речки хрустальной стихи!

Отшельник

Ещё чадит сгоревшая нодья,
В тумане спит звезда над перекатом.
Светает... А куда от комарья
Я мог уйти тогда, в шестидесятом?
Когда, как зверь, бежал глухой тайгой
В лесной залом, зализывая рану,
Оставив за простреленной спиной
Ту, о которой думать не устану.

Рассыпалась трескуче головня,
Взметнулись искры роем золотистым...
И ветер вновь доносит до меня:
«Артисты едут! Слышите?! Артисты!»
И вот – она: улыбка, смех, глаза
Бездонней, чем на глянцевой обложке,
В них целым морем плещет бирюза –
Небесный ангел с грациею кошки!

Я никого так в жизни не любил.
Я пил любовь, как сладостную муку.
Я за неё... прохожего убил...
Одним ударом! В голову! За «суку»...
Исчез вагон. Погас и огонёк
Пустых надежд, врагов, друзей и близких –
Не промахнулся ВОХРовский стрелок,
Шальнойю пулей вычеркнул из списка.
И я, заткнув рубахою прострел,
Полз в багульме, слабея от потери...

Охотник-манси – он и усмотрел
И с бубном предка бился до истерик.

Он взял мой грех. И дом его – мой дом:
Забытый край, укутанный туманом
И тусклым, как лампада, ночником
Чужой звезды в ветвях над балаганом...
И всё-таки печаль моя светла,
Здесь ни войны, ни подлости, ни фальши,
И от молитв достаточно тепла
Жить за троих Его любовью дальше...

Он умер у меня на руках 10 ноября 2008 года.

Таёжная

Гонит ветер с осеннего бала
Пьяный лист и кустов голытьбу...
Вот и мне семиструнка гадала
За красивую жизнь и судьбу.
И про дом у реки, где рябинка
Будет ждать под окном в сентябре...
Всё сбылось, лишь моя половинка
Не разбудит, обняв, на заре.

И не встретит под вечер с работы
У крыльца над раздольем Оби...
А я платя б ей сшил из заботы,
А заботы те спрял из любви,
Что собрал и принёс по крупицам
Из таёжных скитаний своих,
А её нам хватило б напиться
И укрыться одной на двоих.

Ах, какую мы были бы парой –
Всем на зависть с тобой на селе...
Я мужик-то ведь в общем нестарый,
И в морозы вся грудь наголе,
И подкову шутя разгибаю,
В сорок лет-то – забава одна.
И спою, и спляшу, и сыграю,
И стакан, если надо, – до дна!

А на счастье родим двух девчушек...
И пацан пригодился бы мне...
Даже слышу сопенье с подушек
Наших деток родимых во сне.
Понесу по тайге королевой –
Принимайте хозяйку, зверьё!
Встретит лайка придворною девой...
Ну, откликнись же, эхо моё!

Привезу из любого далёка,
От любого греха отмолю,
Жизнесилой кедрового сока
От болезни любой исцелю.
Обниму белокрылой фатою,
Отнесу на руках под венец
И души золотой берестюю
Обовью крепче всяких колец!

Чудак

Здесь всё в округе сердцу близко...
Зайдёшь в уснувшие леса,
И словно первая записка –
Рассветный снег. На нём лиса
Изящной вязью исписала
Вокруг деревни тишину,
И мыши, вытащив кресало,
Прожгли ходы под бузину.
Там глухари пером черкнули...
А здесь, поближе к бережку,
Зайчата стропы натянули
В тальник уплывшему стожку.
И каждый след – душа живая,
Над каждой светит огонёк,
В земном пути отогревая,
Хотя невидимо далёк.
Для старых, малых, дальних, ближних,
Малькам, что даже невидны –
У Бога нет чужих и лишних,
В его любви мы все равны.
Следы... Одни под утро тут же
Позёмка снегом заметёт,
А по другим, что сердцем глубже,
Уже второй следок ведёт.
А там, глядишь, уже тропинка
В лесах бежит среди опят,
Медведь с малиновой корзинкой,
И лоси в ельниках трубят.

И снова, выбежав задом,
Щенком свернётся у плетня
Избушка с добрыми глазами,
Где будет жить чудак... как я.

Родинка

Утонул закат в реке блесною,
Ночь-старушка бродит по лугам,
Спит река, укрывшись тишиною,
Подоткнув туман по берегам.
Над костром взлетают искры-пчёлы,
Иней травы выбелил мукой,
И телёнком месяц через доли
Тянется к зародам за рекой...
Вот и пролетел денёк в заботах.
Осень. Да какое – отдыхать!
Там – дрова, здесь – клюкву на болотах,
И соседке с печью, и вспахать.
Некогда, и отказать неловко,
А тяп-ляп сложи – и нет тепла.
Застеклить – и то нужна сноровка,
А тут печь. Серьёзные дела!

А в деревне жизнь всему научит.
Здесь вожжами лечат даже лень.
Помню, дед с махоркой раз прищучил,
Так горчичник греет по сей день!
А потом до плача доходило,
Если вдруг не брали на покос.
Вот с тех пор в плечах и забродила
Силушка... Потом уж, как подрос,
В кузне Митрофаныча, все знают,
На спор гнул в руках любой металл.
С пацанов по бате величают,
Уваженье – вот он, капитал!

И чего в деревне не живётся?
Пьянство? Так и город не святой.
Здесь же зорька вечером прижмётся,
Подмигнёт под шалью золотой,
ТАК от поцелуя захмелеешь, –
Ни с какою бражкой не сравнить!
А душой прижмись и обомлеешь –
Боже мой, да как же не любить
Эти дали, это синеглазье
Над тайгою, песни журавлей...
Чувство – как у Бога на лабазе.
И живёшь в затаинке своей.
А подумать, сколь их по России
Родинок таких вот, как моя?
Оттого, видать, и небо синее,
Что соединяются края.
Может, кто свою любовь расскажет.
У меня вот – костерок, река,
Зорька нитью розовою вяжет
Распашонки, сев на облака.
Малость рассветёт – и на болота,
Ягодку поднял – и отдыхай!
Я ж не депутат, у тех забота:
Дождь ли снег, а голос – собирай.
Шутка... Кузовок вот за ночь сладил
На пять вёдер... Ну, а что спина?
Вытерпит. Не потому что сзади,
Потому что русская она.

Ларчик

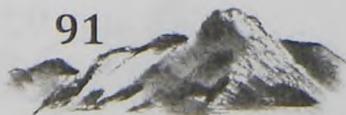
Я здесь родился, в маленьком селе,
Между рекою, солнцем и лесами,
Где детство, просыпаясь с небесами,
Летело на родительском крыле,
И, где-то проплывая в облаках,
Осыпалось росой на поляны...
И даже сны, волшебные обманы,
Уже не носят к речке на руках.
Лишь память, покидая свой причал,
Несёт меня степною кобылицей,
И я в ночи, не скрипнув половицей,
Опять вхожу в начало всех начал.
...Прильну щекою к дедовской стене,
видятся крылатые качели,
Как пели свиристели по весне,
И плакали апрельские метели,
И как гудела хрипло на реке
Утрами белоснежная громада,
И я бежал с копеечкой в руке
За сладкую шипучкой лимонада.

А много ли ребёнку в жизни надо?
По сути – тот же маленький птенец,
Чтобы тепло, и мама только рядом,
И трезвым был хоть изредка отец
И не крушил в хмельном пылу ограду
Под громкий стук испуганных сердец
Или хватил ещё полкружки яда,
Да и уснул скорее, наконец...

Мне бабушка была как солнцу рада,
Всё лакомства откладывала мне...
Дед в сорок первом канул на войне,
Лишь память внука – вся ему награда...
Волшебный сад в оконной полынне,
Всю ночь в углу горящая лампада
И скорбь всепонимающего взгляда
Иконы Чудотворца на стене...
И помнится тот воздух по утрам,
Плывущий с луговин по захолюстью...
Здесь даже в лес заходишь, словно в храм,
И даже небо пахнет только Русью!
И вижу в белых яблоках коня,
И чувствую ногой стальное стремя,
И в клочья рвётся выцветшее время
Упругим ветром завтрашнего дня!
И я лечу, сбивая лопухи,
Не ведая, что жизнь уже на взлёте,
Что ждёт Афган, и лента в пулемёте,
И боль потерь, и счастье, и стихи...

Вот так порой, ликуя и скорбя,
Перебираю всё своё наследство,
И в ларчике я мальчика – себя,
Встречаю из безоблачного детства.

Летний вечер над тайгою
Зорьку кутает фатой,
Туча походя серьгою
Вдела месяц золотой.

Деревенька засыпает,
Подобрав цветной подол,
Небо звёзды осыпает
Разнотравью на помол.

Только летом до рассвета
Тропка ночи коротка,
Солнца красная монета
Покатила с лепестка.

По лугам проснулись птицы,
Затуманилась река.
Белоснежные рубахи
Надевают облака.

Тает месяца краюха.
И опять, как в старину,
Красный конь, войдя по брюхо,
Пьёт речную тишину.

Ручей

Под берёзами за садом,
Приподняв спиной туман,
На коленках, пятясь задом,
Выполз мокрый мальчуган.

И бежать через дорогу,
Там утята, он от них,
Замочил ромашке ногу
И застенчиво притих.

Не грусти, дружок, не надо,
Вот лопатка, мы с тобой
Быстро руслице вдоль сада
Прокопаем за избой.

И к родимой маме – речке,
Заждалась уже поди.
Собирай свои колечки
и давай-ка впереди.

А вот тут давай в низинку...
Так, минуя бугорки,
Протоптали мы тропинку
И добрались до реки.

Загрустилось мне у тына,
Вроде б что? К реке ходил.
А такое чувство – сына
В жизнь сегодня проводил.

Святое

Пусть разлюбит жена
и откажутся дети,
самый преданный друг
за копейку продаст,
но один человек
(точно знаю!) на свете
никогда в этой жизни
меня не предаст.

Всё отдаст и взамен
ничего не попросит,
и, да что там – любовь? –
Жизнь готова отдать!

Да святится то имя,
которое носит
в мире самая верная
женщина – МАТЬ.

95

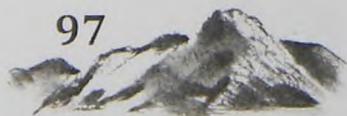

Содержание

Синегорье	3
Прорубь.....	5
Прошу, явись, мой милый друг.....	6
Июль	7
Заводь	8
Далёкая моя.....	10
<i>Ночь июльская в деревне...</i>	12
Как хорошо.....	13
Недуг	14
<i>А в Щекурье у нас ромашки...</i>	15
На самом краешке земли	17
Избушка.....	19
Я построю наш дом на околице.....	21
Лесное.....	23
Птаха.....	25
Зов тайги.....	26
Чего желать?	27
Вот и лебеди к нам прилетели	28
Затаинка.....	30
Мне нравится смотреть в лицо заката.....	32
Рубеж.....	34
Не помню.....	35
<i>Лишь тронет ветер ночью ставни...</i>	36
Ключи	38
Осеннее	39
Под самый вечер.....	40
Зоопарк.....	41
<i>Только бы успеть, не опоздать...</i>	43
<i>Роза ветров...</i>	45

Фотография	47
Грех.....	48
Ребёнок	50
Олень.....	51
Волчонок.....	53
<i>Кто б рассказал, по чьей волшебной воле...</i>	55
Промысловик.....	57
Я благодарен.....	59
Стрекоза	60
Покров	61
Опрокинула ковшик Медведица	63
Возвращайтесь	65
Эликсир жизни	67
Корни	69
Под сердцем века.....	71
Ягода брусники.....	73
Моя родная глухомань.....	75
Мы все уйдём.....	77
Крёстный	78
Мелочи жизни	80
Отшельник.....	82
Таёжная.....	84
Чудак.....	86
Родинка.....	88
Ларчик.....	90
<i>Летний вечер над тайгой...</i>	92
Ручей	93
Святое	94

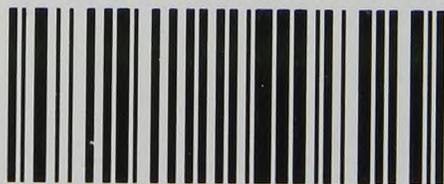
Литературно-художественное издание

Владимир Квашнин
СИНЕГОРЬЕ

Динисламова О.Ю. – составитель издания, редактор
Жеманская Н.А. – художественное
оформление
Семёнова И.Ю. – вёрстка, техническое
редактирование

Подписано в печать 06.02.2019 г.
Формат А6. Гарнитура Cambria.
Усл. п. л. 2.85. Тираж 400 экз. Заказ № 05-Х-М.
Отпечатано ООО «Формат», г. Тюмень.

40,00

045102019

Государственная библиотека Югры

Владимир Александрович Квашнин

родился 1 августа 1958 года в посёлке Саранпауль Берёзовского района Тюменской области.

Окончил Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности ихтиолог-рыбовод, Тюменский государственный университет по специальности биолог-охотовед.

Публикуется под творческим псевдонимом «Охотник»,

хотя по жизни охотовед.

Печатался в журналах, альманахах и литературных сборниках.

Автор книги стихотворений «От сердца – к сердцу» (2014).

Лауреат Международной литературной премии им. Игоря Царёва (2014), победитель Международного Конкурса «Север – страна без границ» (2014),

Международного литературного конкурса «Лохматый друг» (2018),

Лауреат премии в номинации ПОЭЗИЯ литературного портала «Изба-Читальня» (2018).

Живёт в п. Саранпауль Берёзовского района.